

Исчезающий аромат осени, йода и свежесваренного кофе «по-сухумски»

М ПОРОЙ пересекающиеся сюжетные линии моих воспоминаний, даже не связанные напрямую с заданной темой, помогают погрузиться в начало шестидесятых, удивительное время моей юности, почувствовать его, уловить исчезающий аромат йода, приносимого лёгким ветерком со стороны моря, и свежесваренного на террасе второго

этажа ресторана «Амра» кофе «по-сухумски»

И пообщаться, хотя бы виртуально, с интересными, уникальными личностями.

Вытянутое по причалу белое здание с большими окнами, надстройкой и летней террасой второго этажа, если и не было похоже напрямую на пришвартованный к пристани теплоход, то отлично вписалось в сложившуюся архитектурную реальность приморского города-курорта.

«Амра» выигрышно отличалась от других увеселительных заведений: находилась в удобном месте, в центре города, как бы зависшая над морем, подчёркивая оригинальность архитектурной идеи, совмещала в себе «преlestи» хорошего ресторана на первом этаже с демократичной открытой террасой второго уровня, названную с лёгкой руки Фазиля Искандера «верхней палубой», и была очень популярной в городе.

Очень быстро прописалась на вершине «Амры» и стала своей, привычной, даже обязательной весёлая, шутливая, любопытная и вечно голодная до знаний, новостей и общения разношёрстная, постоянно фрондирующая творческая братия.

Студенты, актёры, художники, музыканты, молодые учёные...

* * *

Разные «в ущельях гитары бродят».

Это я позволил себе использовать фразу из стихов Гарсии Лорки, привязав её к путешествию по тем самым «ущельям» собственной памяти. Ибо в них часто звучит музыка.

Акоп был для меня единственным в своем роде гитаристом в мире, чью игру я не раз слушал вживую, в том числе и на «Амре». Интрига в том, что играл

Акоп на двенадцатиструнной гавайской гитаре, которую я ни до, ни после никогда не видел.

Акустическая конструкция и необычные, специально изготовленные, видимо, струны обеспечивали гитаре широкий диапазон непривычных, изысканных звуков, от тихих, нежных, почти журчащих до сочных, вибрирующих, с каким-то экзотическим волочением, долгим мелодичным звучанием. И держал гитарист свой инструмент не так, как обычно держат гитару.

Его гитара лежала на коленях струнами вверх, и играл он на ней, извлекая звуки при помощи одетых на пальцы металлических приспособлений – слайдеров.

Но надо было видеть, КАК он играл! Его прикосновения к струнам были сродни прикосновениям к любимому, обожаемому существу, женщине или ребёнку. А лицо музыканта в этот момент просто светилось, излучая любовь и нежность!

А ещё Акоп пел. Какие-то незнакомые, очень минорные, грустные песни, в основном греческие и армянские. Голос у Акопа не был сильным, но он прекрасно им владел и легко окрашивал в любой эмоциональный цвет. И конечно, вкупе с берущими за душу звуками гитарных струн этот голос не оставлял равнодушными своих слушателей.

Когда Акоп пел на «Амре», столы сдвигались вокруг музыканта, терраса затихала, иплыли, аккорд за аккордом, мелодичные печальные песни над вечерним городом.

Обычно Акопа приглашали на свадьбы, юбилеи и т. д., то есть пение и было «куском его хлеба».

На «Амре» же певец денег с нас никогда не брал.

* * *

«Амра», верхняя палуба, летний вечер. Посетителей много, несколько разных компаний, сдвинув столы, что-то, как всегда, эмоционально обсуждают.

Один столик чуть в стороне. За ним тихо, чинно беседуют два человека – пожилой джентльмен, чем-то напоминающий актера Жана Габена, и молодой мужчина в яркой рубашке-сингапурке.

Над столиком стоит, медленно расплываясь по террасе, плотное табачное облако с явным ароматом анаши. В те давние времена специфический запах «плана» ни удивления окружающих, ни тем более опасения и страха наказания у курильщиков не вызывал.

Эти двое – хорошо известные в городе люди, музыканты. (Пройдет время, и один из них приобретёт почти вселенскую популярность!)

Пожилой, который похож на французского актера, – саксофонист из ресторана «Рица», дядюшка Завен. А как раз второй-то, в рубашке с драконами, и есть будущая звезда шансона – Вилли Токарев!

* * *

Ещё об одной «путёвке в жизнь»!

Отлично помню юного Жана Татляна, позже известного французского певца, с его завораживающим голосом и какой-то романтической, специфической манерой пения.

Мы иногда ходили вместе на танцы в клуб турбазы. С Жаном нас всегда без проблем пропускали внутрь, и уже во время танцев Жан порой брал в руки гитару, и мы наслаждались его голосом и мелодичными итальянскими песнями, которых он знал немыслимое количество.

* * *

На счёт людей разных...

Приходил регулярно на террасу ресторана «Амра» человек, о котором и сейчас сказать нечто внятное невозможно. Все знали его как Зураба.

Появлялся этот самый Зураб в городе наездами, как правило, измеряемыми несколькими месяцами. Жил

в съёмной комнате частного дома у Красного Моста. Говорил, что из Тбилиси. Чем занимался, на что жил – загадка! Во всяком случае, личностью криминальной, маргиналом, или, к примеру, карточным шулером не был. Не был он и, что приятно отметить, альфонсом.

Средних лет, под сорок, невысокого роста, полнеющий, с заметной залысиной, был он хорошо воспитан, медлителен и слегка манерен. Достаточно начитанный, доброжелательный и коммуникабельный.

И ещё. Был он, безусловно, «озабоченным», по женской части, я имею в виду. Скорее всего, именно возможность легко знакомиться с женщинами на курорте и была побудительной причиной регулярных наездов Зураба в наш город.

Были у Зураба два выходных костюма. Один цвета топлёного молока, другой тёмно-синий, из модного в те годы переливающегося, блестящего дакрона. Костюмы были явно привезены из зарубежья. Уж как они достались Зурабу – ещё одна загадка! Были у него и несколько ярких, «фирменных» галстуков, а также, очевидно, полная цистерна польской мужской туалетной воды, ибо специфический, пряный запах её буквально ощущался на «Амре», когда Зураб только начинал променады по набережной, от Красного Моста, и преследовал окружающих постоянно.

Появлялся он на террасе с женщинами, и, как правило, каждый раз с новыми. Дамы были из тех, кого в городе называли «курортницами бархатных сезонов», то есть зрелого возраста, приехавших на отдых без мужей, с романтической надеждой встретить, если не принца, то хоть стареющего, но элегантного усача-мачо, готового растилать свой плащ перед ногами своей избранницы, носить её на руках и пить шампанское из женской тувельки. Не всю оставшуюся жизнь, конечно, ну хотя бы недельку-другую.

Тут, видимо, и появлялся на сцене, в нужный момент Зураб, как легендарное пианино в кустах. Хоть и не носил

наш мачо усов, но был элегантен, галантен и очень даже смотрелся в одном из своих привозных костюмов и в итальянском галстуке «Коммодоре Тревира»!

Казалось бы, ничего необычного. И зачем вспоминать? Мало ли в Бразилии подобных «Педров»? У нас и своих хватало!

Но в шок меня ввёл и врезался в память случайно подслушанный на террасе диалог Зураба с очередной пассией.

Наш герой представился даме как... композитор Игорь Стравинский!!! Видите ли, устал он от всемирной славы, забрался в глушь, живёт жизнью простого человека, эсквайра, как он выразился, в ожидании приезда френда, друга, значит, Джорджа Баланчина, с которым намеревается обсудить либретто своего нового балета – «Любовь к трём апельсинам».

Меня будто обдало случайно сорвавшимся с далёких заснеженных гор холодным, совсем не летним ветром. Ещё секунда, другая, и оскорблённая дама выскажет незадачливому ловеласу всё, что она думает о коварных врунах-южанах, об американской музыке и балете, о композиторе Прокофьеве, написавшем, на самом деле, «Любовь к трём апельсинам», только не балет, а оперу! Поднимется из-за стола, испепелив кавалера уничтожающим взглядом, и уйдёт, гордо пронося аппетитное своё тело через весь зал, ровно держа спину и презрительно покачивая бёдрами!

– Ах, какая же прелесть! – жеманно произнесла спутница композитора, восторженно хлопая глазами и поправляя небрежно пышную свою причёску.

– Я всегда мечтала с вами познакомиться, часто слушаю по радио вашу музыку, особенно нравится ария этого самого, ну гостя индийского из оперы, а то, что вы в жизни такой доступный, товарищ Ильинский, даже не ожидала. А вы не могли бы наиграть мне немного вашей музыки?

– Для меня великое счастье, мадам, встретить здесь, на чужбине, в месте моего затворничества, такую удивительную женщину, красавицу, умницу, музыкально и культурно образованного человека! Я напишу в вашу честь кантату, ораторию, чёрт возьми! А поскольку мой кабинетный рояль, который я вожу с собой, сейчас у настройщика, я напою вам любую мелодию! Не здесь, естественно.

Приглашаю в скромную свою обитель. Я арендую недалеко бунгало. У меня есть коньяк и дорогие сигареты. Так что, сольёмся в экстазе? – закончил Зураб свой восторженный спич фразой из популярного британского фильма про мистера Питкина!

Интересно, что за дорогие сигареты имел он в виду? «Друг», советские, очевидно, с собакой на пачке, они и вправду стоили чуть дороже расхожих «Памира» и «Примы». Или модные болгарские, привезённые из Сочи. Других в те времена просто не было, даже у репатриантов, приторговывавших порой заграничным товаром.

И удалились они, окрылённые, из «Амры» вдвоём. Она действительно гордо несла тело, он, немного семеня, попевал за ней, нежно придерживая за талию, её голова с пышной укладкой трогательно лежала на его плече.

И бёдрами они покачивали почти в такт.

Проходя мимо, Зураб по-свойски, с хитрой улыбкой, подмигнул мне.

А мне, вышедшему из шока, стало очень обидно. Конечно, и я врал, бывало, девушкам, как правило, в попытке увеличить свой возраст. И здесь частенько попадался, ибо ловили меня на элементарном незнании темы. Будучи школьником, выдал себя за студента... и опозорился, не зная слово «сессия». На серьёзную же ложь у меня не хватало ни смелости, ни фантазии.

Зураб же демонстрировал, да и не только он, умение «втюхивать» дамам легенды такой пробы, что просто дух захватывало. Это надо же – композитор Стравинский! Ему что, Хачатуряна или Мачавариани не хватило бы? Ну, Певзнера, на худой конец?

И вот вопрос об уровне интеллекта заезжих дам. Действительно ли Стравинский и Ильинский воспринимались любительницами бархатных сезонов как один и тот же человек? Либо умные, грамотные, но истосковавшиеся по мужскому вниманию романтически настроенные дамы просто прощали нашим ловеласам их наивное «творчество», делая вид, что верят всему сказанному!

Не найдя ответа, я решил для себя; вот познакомлюсь с какой-нибудь девушкой и выдам себя за Грегори Пека или Альберто Сорди! А вдруг пройдёт?